

УДК 94(47+410)"17":070

Филимонова Мария Александровна, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

e-mail: mar-filimonova@yandex.ru

«ТРАВЛЯ РУССКОЙ МЕДВЕДИЦЫ»: ОБРАЗ РОССИИ В БРИТАНСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ГРАФИКЕ 1791 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Екатерины II в британской прессе и сатирической графике конца XVIII века в контексте международной обстановки и Очаковского кризиса 1791 г. Рассматривается влияние внешнеполитического курса Великобритании на формирование противоречивого медиадискурса о России. Особое внимание уделяется парламентским дебатам, публицистике и карикатурам как инструментам репрезентации российской императрицы. Показано, что британские СМИ одновременно транслировали как алармистские, так и критические по отношению к правительству оценки. Делается вывод о формировании устойчивых негативных стереотипов восприятия России, сочетающих элементы русофобии и гендерных предубеждений.

Ключевые слова: Екатерина II; Великобритания; XVIII век; русско-английские отношения; СМИ; политическая карикатура; Очаковский кризис; общественное мнение; русофобия; международные отношения.

Filimonova Maria Alexandrovna, Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, Kursk State University, Kursk, Russia

e-mail: mar-filimonova@yandex.ru

“BAITING THE RUSSIAN BEAR”: RUSSIA’S IMAGE IN BRITISH SATIRICAL GRAPHICS OF 1791

Annotation. This article examines the image of Catherine II in the British press and satirical graphics of the late eighteenth century within the broader context of international relations and the Ochakov Crisis of 1791. It explores how British foreign policy shaped a complex and often contradictory media discourse on Russia. Particular attention is given to parliamentary debates, journalism, and caricatures as key means of representing the Russian empress. The study shows that British media conveyed both alarmist narratives and criticism of government policy. It concludes that enduring negative perceptions of Russia emerged during this period, combining elements of Russophobia and gender bias.

Keywords: Catherine II; Great Britain; eighteenth century; Anglo-Russian relations; media; political caricature; Ochakov Crisis; public opinion; Russophobia; international relations.

Конец XVIII века характеризовался значительной трансформацией международных отношений. Османская империя постепенно утрачивала позиции великой державы, в то время как Российская империя, особенно в правление Екатерина II, демонстрировала устойчивый рост военной и политической мощи. Это вызывало обеспокоенность других европейских держав, прежде всего Великобритании, традиционно ориентированной на поддержание равновесия сил на континенте. С одной стороны, британские политики и дипломаты долгое время считали Россию своим естественным союзником [8, p. 408–409; 3, с. 197–223]. С другой стороны, они возмущались неблагоприятной для Великобритании политикой вооруженного нейтралитета, принятой Екатериной II в 1780 г.

Непосредственным контекстом кризиса в отношениях России и Великобритании стала русско-турецкая война 1787–1792 гг. В ходе военных действий Россия добилась значительных успехов, кульминацией которых стало взятие крепости Очаков, стратегически важного пункта, контролировавшего выход к Черному морю и устью Днепра.

Именно судьба Очакова стала центральным вопросом дипломатического кризиса 1791 г. Для России удержание этой крепости имело не только военное, но и символическое значение: речь шла о закреплении результатов многолетней борьбы за выход к южным морям.

Уильям Питт-младший (премьер-министр с 1783 г.) стремился сохранить баланс сил в Европе и не допустить российского доминирования в Черноморском регионе. Соответственно, его тревожили успехи российского оружия. Англия сыграла ключевую роль в формировании в 1788 г. антироссийского дипломатического блока, в который, помимо нее самой, вошли Пруссия и Нидерланды. Союз с Пруссией позволял Великобритании создать дипломатический противовес России без прямой войны. В 1790 г. Пруссия и Австрия подписали Рейхенбахскую конвенцию, по которой Австрия выходила из войны с Турцией, что развалило антитурецкую коалицию. Россия оставалась одна в войне с Турцией, а также Швецией. Великобритания внесла значительный вклад в заключение Рейхенбахского соглашения [28, р. 137; 1, с. 165].

Между тем британская печать отмечала успехи России. Журнал «New Annual Register» сообщал: «В конце 1790 года императрица с удовлетворением отметила, что ее завоевания больше не ограничиваются берегами Дуная. Турецкий флот был почти уничтожен, и даже раболопных принципов мусульманской политики было едва ли достаточно, чтобы подавить недовольство населения Константинополя» [31, р. 125].

В 1791 г., после побед России, Питт потребовал от Екатерины II вернуть Турции завоеванные территории, угрожая войной. 27 марта он направил в Санкт-Петербург ультиматум, требуя, чтобы Екатерина в течение десяти дней объявила о своей готовности заключить мир [30, р. 523]. Как справедливо отмечал одесский историк А.И. Третьяк, выполнение этого ультиматума не просто поставило бы крест на всей южной политике Екатерины II, но и означало бы превращение России из великой державы во второстепенную. А на это в Санкт-Петербурге не могли пойти ни при каких обстоятельствах [4, с. 55].

«Times» высказывала сомнения в действенности антироссийской политики Питта. В одной из статей указывалось: нет оснований надеяться, что императрицу удастся «запугать так, чтобы она заключила мир с Турцией» [32, 1791, Mar. 28, p. 3].

28 марта 1791 г. на рассмотрение парламента было представлено послание Георга III по поводу русско-турецкой войны. В нем констатировалось, что в связи с продолжающимися боевыми действиями, которые имеют большое значение для интересов Великобритании, необходимо увеличение военно-морского флота [16, p. 31–32]. Без этой меры угроза Питта послать английский флот на Балтику оставалась пустым звуком. Королевское послание вызвало бурные дебаты в обеих палатах. Тори во главе с Питтом выстраивали последовательно антироссийский дискурс. Они доказывали, что экспансия России разрушит европейское равновесие, что Екатерина II не ограничится территориальными приобретениями за счет Турции, что в случае установления российского контроля над Босфором и Дарданеллами Россия будет конкурировать с британским торговым флотом в Средиземноморье.

Питт заявлял: «Каков бы ни был исход войны, в которую, к несчастью, вовлечена эта [Османская] империя, если она увеличит мощь России, ее воздействие не будет ограничено этими двумя державами. Это ощутит вся Европа» [16, p. 54]. Почти о том же говорил сторонник Питта лорд Белгрейв. Он доказывал, что для Британии лучше вступить в войну, чем смириться с возвышением России. Белгрейв убеждал парламентариев: если победы Екатерины II продолжатся, она, без сомнения, изгонит турок из Европы и захватит Константинополь. Он полагал: «Как только русские пройдут Дарданеллы, к ним, конечно, присоединятся безбожные греки. Где тогда закончатся их победы, известно лишь Господу». С точки зрения Белгрейва, в этом случае Россия будет доминировать в Средиземном море и станет грозным соперником для Великобритании [16, p. 180–181].

Однако оппозиция во главе с Чарльзом Фоксом представила свои контраргументы. В парламентских дебатах Фокс указал, что нацию втягивают в

войну, не раскрыв причин и даже предлога к такому шагу [16, р. 33]. Фокс отрицал русскую угрозу и заявлял: «С нашей стороны было бы безумием показывать живейшее беспокойство в связи с усилением России на Черном море. Из всех морей мира там никогда не появлялся ни один британский корабль» [16, р. 62–67]. О том же говорил лорд Стормонт: «Никакое приращение сил или территорий России в Турции не может повредить нам или Пруссии». Он подчеркивал, что именно турки выступили как агрессоры, в то время как Екатерина II не желала войны [16, р. 39]. Лорд Уайкомб рассуждал: «Какую выгоду, коммерческую или политическую, могла бы принести война с Россией?» [16, р. 55].

Заседание палаты общин 29 марта принесло большинство голосов министерству – 228 за, 135 против [16, р. 79]. Георг III остался очень доволен результатами голосования в парламенте. По его словам, это свидетельствовало о «доверии Палаты общин, которое в значительной степени благоприятствует нынешней администрации» [30, р. 526].

К торийской пропаганде подключилась и пресса. «Times» полагала, что общественное мнение Англии можно выразить фразой «ощипать северного орла» [32, 1791, Mar. 28, р. 3]. «Oxford Journal» объясняла читателям, что вмешательство Британии для спасения Турции было бы выгодно для английской торговли. Если Екатерина утвердится на Черном море, то она сможет сама прибыльно торговать, соперничая с западными державами [24, р. 2]. «Bath Chronicle» подчеркивала российский экспансионизм: императрица не желает выпускать то, чем завладела, и помышляет о новых завоеваниях [29, р. 1].

Карикатуристы откликнулись на Очаковский кризис целой серией сатирических гравюр. При этом среди них не было единодушия.

Анонимная карикатура **«Политический воитель, подрывающий российскую торговлю»** (7 апреля 1791 г.) [12] намекала, что правительственные ультиматумы на руку старинному врагу Великобритании – Франции. На рисунке Питт и британский моряк (?) пытаются рубить севшие на

мель корабли со сломанными мачтами, символизирующие русский торговый флот. Лучи солнца с надписью «Отдаленная судьба, больше никаких войн» не могут пробиться сквозь тучи. На сабле Питта выгравирован девиз совсем иного содержания: «Всеобщая война в Европе». На заднем плане короли Испании и Франции говорят, указывая на Питта: «Как он играет в нашу игру!» и «Браво! браво! браво!» Под рисунком выгравировано: «Посвящается Российской компании ее клиентами – судостроителями, изготовителями парусов, канатов и представителями других презренных профессий, которые способствуют процветанию Старой Англии». Карикатурист убеждает, что антироссийские ультиматумы Питта принесут Европе и Британии не мир, а войну и тяжело скажутся на британской экономике.

Политический воитель, подрывающий российскую торговлю. 1791 г.

Карикатура Уильяма Дента «Северное пугало» (14 апреля 1791 г.) [19] была скорее торийской. На рисунке Екатерина, стоящая в непристойной позе, угрожает одновременно Османской империи и Балтике. Один из персонажей в верхней части композиции (Георг III?) говорит: «Если кто-нибудь не остановит ее, она нас всех затопит».

В другой карикатуре того же автора, названной «**Мальчишеская забава, или Травля русской медведицы**» (3 мая 1791 г.) [18], использована тема традиционной жестокой забавы. В Великобритании была популярная традиция медвежьей травли, известная с XII в.: медведя привязывали к столбу и травили собаками. Развлечение было крайне востребованным. Королева Елизавета I настолько обожала медвежью травлю, что не могла без нее обойтись. В XVIII столетии традиция пошла на убыль в силу дефицита медведей, но сохранялась до 1835 г., когда ее запретил парламент.

Уильям Дент. Мальчишеская забава, или Травля русской медведицы. 1791 г.

На гравюре Дента Екатерина, представленная в виде медведицы с человеческой головой, не хочет выпустить столб с надписью «Очаков», несмотря на сыплющиеся на нее удары от Британии, Пруссии, «татарского паши» и даже от Польши. Карикатура насыщена эротической тематикой, что дает современным исследователям карикатуристики основание говорить о

«беспутном юморе» XVIII в. и сравнивать ее с произведениями Де Сада [55, с. 148, 151]. Главная роль в сюжете отведена Георгу III, который скачет на белом коне и угрожает России: «Я тебе задам! На место, недовольная тварь!» Общий проправительственный настрой карикатуры несколько корректируется второстепенными персонажами. В левом верхнем углу крошечный турок бесславно убегает от Потемкина. В правом нижнем углу лежащий бык (Джон Буль) выражает мрачное предположение: «Кажется, в конце концов меня обложат налогами».

Тема налогов поднимается также на анонимной гравюре «**Английская лошадка, или кто платит по счетам?**» (11 мая 1791 г.) [10]. На ней Екатерина грозит поставить английского быка на колени. Тут же Питт, изображенный в профиль слева, хватая за шиворот худощавого и оборванного гражданина Великобритании (Джона Буля) со словами: «Не ворчи, негодяй! Конечно, ты должен платить. Какого черта, не мог же ты ожидать, что великие люди, которые тебя представляют, внесут хотя бы шиллинг! Кроме того, вы чертовски дерзкий малый, мастер Буль, и вас надо укротить».

Карикатура Джеймса Гиллрея «**Укрощение строптивой**» (20 апреля 1791 г.) [22] двойственна по смыслу. Питт предстает Дон Кихотом верхом на Россинанте, с бритвенным тазиком вместо шлема на голове. Гиллрей использует одновременно аллюзию на Сервантеса и Шекспира [см.: 14] (Питт – Петруччо и Екатерина II – Катарины). Питт повелительно простирает руку к своей противнице, произнося реплику из «Укрощения строптивой»:

Кет, шапочка уродует тебя:

Скинь эту гадость, на пол брось сейчас же [7, акт V, сцена 2].

«Шапочка» – это полумесяц в ее волосах, символизирующий ее завоевания в Турции. Екатерина в ужасе пытается закрыться рукой. Ее реплика построена на словах шекспировской Катаринины:

...теперь я вижу,

Что не копьём – соломинкой мы бьемся,

Мы только слабостью своей сильны.

За вашу глупость женскую мне стыдно!

Вы там войну ведете, где должны,

Склонив колена, умолять о мире [7, акт V, сцена 2].

Кажется, что на этой карикатуре все происходит так, как задумывал Питт: Екатерина «укрошена». Симпатизирующие ей и поддерживающие ее Австрия и Франция не могут оказать реальной помощи. Леопольд Австрийский восклицает: «Шёрт побери! Снова сдаваться!» Гротескно худой француз способен лишь бормотать: «О, Боже! если бы Мирабо был жив! *Sacre Dieu*». Турецкий султан в это время готов целовать хвост английского Россинанта.

Джеймс Гиллрей. Укрощение строптивой. 1791 г.

Но шлем Мамбрина на голове Питта изменяет смысл изображенного, служит ясным намеком: британский премьер-министр живет в мире иллюзий. Гиллрей первоначально поддерживал политику Питта-младшего и создавал карикатуры на Чарльза Фокса. Но с конца 1780-х гг. отношения между премьер-министром и карикатуристом испортились [23, р. 31]. Ключ к пониманию карикатуры – реплика Россинанта (Георга III): «Хей-хо! позволить Мальчишке (Питту. – М.Ф.) и его товарищам по играм забить себя до смерти

только для того, чтобы напугать старую женщину, – хотел бы я вернуться в Ганновер и набить себе брюхо».

Еще две карикатуры обыгрывают излюбленные внешнеполитические концепции Питта: ультиматум, который вынудит Россию заключить мир с Турцией, и поддержание баланса сил в Европе.

На анонимной карикатуре **«Мирный договор, или Сатисфакция для всех сторон»** (3 мая 1791 г.) [13] действие переносится в сераль. Почти все персонажи увлечены любовными объятиями. В центре действия – обнимающиеся султан и российская императрица. Она говорит: «Выгони всех этих потаскушек, мой дорогой мальчик, я сделаю все за тебя». Он отвечает: «Какая прекрасная крупная девочка в роли Медведицы, боюсь, она будет мне не по зубам». Не повезло только Питту. Две красотки пинают его, дергают за нос, приговаривая: «Мы тебе зададим за то, что ты служишь красивым дамам в Англии и так сильно на них налегаешь»; «И за то, что облагаешь их налогом».

Карикатура Джеймса Гиллрея **«Баланс сил, или Потомок бессмертного Чэтема, ставший акробатом»** [21], на первый взгляд, выставляет Питта в благоприятном свете. Он ловко балансирует на канате, поддерживая равновесие между султаном и российской императрицей. Не обращая внимания ни на угрозы России, ни на посулы Турции, он высокомерно заявляет: «Старая карга не сможет меня запугать, а сераль не сможет меня подкупить. Я не имею к этим делам никакого отношения – мой шест всегда в равновесии». Но подпись к карикатуре переворачивает ее посыл (случай, когда две системы знаков, составляющие креолизированный текст, противоречат друг другу, создавая комический эффект). Сопоставление Питта-младшего («акробата») с его отцом («бессмертным Чэтемом») явно нелестно для первого.

«одинокая крепость посреди невозделанного края, на границах Черного моря» и потому его взятие не должно вызывать беспокойства в Великобритании [11, p. 12]. Ту же тему развивали английские виги. Так, литературный журнал «Monthly Magazine» напечатал рецензию на анонимный памфлет «Краткий своевременный намек... на опасность войны с Россией» (A Short Seasonable Hint, addressed to the Landowners and Merchants of Great Britain, on the Alarm of a War with Russia). В рецензии, в частности, говорилось: «Одно обстоятельство несомненно: когда дело будет закончено... нам придется столкнуться с вызывающим тревогу счетом на оплату расходов» [26, p. 354].

На митингах в Норвиче, Манчестере и других городах принимались резолюции против войны с Россией. На стенах домов в Лондоне стали появляться надписи: «Не надо войны с Россией» [1, с. 328; 4, с. 74].

Современные исследователи приходят к выводу, что Питт совершенно неправильно оценил состояние общественного мнения. Британская общественность не воспринимала Россию как серьезную угрозу [8, p. 19; 25, p. 5].

12 апреля в парламенте состоялось голосование по предложению вига Чарльза Грея отменить вооружение против России. Министерство получило большинство (253 голоса против 173) [16, p. 217]. Однако в сравнении с голосованием 29 марта преимущество тори драматически сократилось. Фокс констатировал: «Достопочтенный джентльмен [Питт] должен убедиться... что его война непопулярна» [16, p. 217]. Питт действительно это понимал. В апреле 1791 г. он признавал: «Мало шансов или вообще никаких на то, что удастся продвинуть наш план в полном объеме» [цит. по: 15, p. 310]. В итоге Питт был вынужден смягчить свою позицию, и британский ультиматум России не был реализован.

Одним из сатирических комментариев к его провалу стала карикатура Ричарда Ньютона «Летнее развлечение у фермера Дж. близ Виндзора» (9 августа 1791 г.) [27]. Здесь обыгрывается прозвище Георга III «Фермер Джордж». Соответственно, королевская семья изображена за сельскими

Фоксу его друзья-виги советуют поехать в Россию и стать фаворитом императрицы. Британия на заднем плане говорит: «Я могу обойтись без него».

Уильям Дент. Белый бюст Черного Карло, или Уполномоченный партии в кабинете Екатерины. 1791 г.

Пророссийские симпатии Фокса послужили темой и для карикатуры Джемса Гиллрея «Дизайн для новой галереи бюстов и картин» (17 марта 1792 г.) [20]. На рисунке, как и предполагалось, бюст Фокса поставлен между Демосфеном и Цицероном. Над бюстами две картины, критикующие экспансионизм Екатерины II. На одной, подписанной «Справедливость», императрица закалывает поверженного султана. На второй, с подписью «Умеренность», она же алчно тянется к Молдавии, Бессарабии и Валахии. Над головой Фокса зловеще нависает синий круг с веревочной петлей в центре. Ироническим комментарием ко всей ситуации служит цитата из исторической хроники Шекспира «Генрих IV», предположительно выражающая отношение Фокса к Екатерине II: «Настолько, Кет, тебе я доверяю». В контексте эта цитата звучит так:

Хотспер. Настолько, Кет, тебе я доверяю. *Леди Перси*. Как! Лишь настолько? *Хотспер*. Ни на полдюйма больше! [6, акт 2, сцена 3].

Очаковский кризис не стал ни дипломатической, ни тем более военной победой для Великобритании. Ясский мир 1791 г. закрепил победу России, которая получила Крым и Очаков, а также расширила влияние в Северном Причерноморье. Великобритания не смогла помешать этому.

Всплеск интереса британского общества к русско-турецким войнам, связанный с Очаковским кризисом, оказался кратковременным. К середине мая 1791 г., когда стало ясно, что англо-русской войны не будет, интерес общественности к событиям в Причерноморье опустился до очень низкого уровня. Тем не менее, можно согласиться с выводом британского историка М.С. Андерсона, по мнению которого, Очаковский кризис стал самым острым столкновением между Британией и Россией с 1720-х гг. Это ознаменовало начало постепенного роста в Британии широкого недоверия к России и ее амбициям [9, p. 21].

Рост числа карикатур, так или иначе затрагивавших Россию, в апреле-мае 1791 г., коррелирует с развитием Очаковского кризиса. Позиции карикатуристов оказались различными, однако один из виднейших карикатуристов своего времени Джеймс Гиллрей в своих произведениях транслировал критически-проправительственную позицию. В его сатирической графике дипломатия Питта оценивается как построенная на иллюзиях и даже в чем-то унижительная для британского премьер-министра. И Гиллрей, и другие карикатуристы были обеспокоены возможными негативными последствиями для самой Великобритании.

Образ Екатерины II и России в целом в этот период неизменно негативный. Российской императрице приписывали безудержное стремление к завоеваниям. Порой на этой основе выстраивался образ русской угрозы. Негативно оценивались и ее личные качества. Карикатуристы приписывали Екатерине агрессивную сексуальность, представляющую собой инверсию традиционной женской роли. На некоторых карикатурах Екатерина также

нарушает предписанные женщинам нормы поведения, но иначе: она надевает мужские штаны и вступает в бой, что получает негативную коннотацию. Гинофобия в этих карикатурах сочетается с русофобией. Последняя образует устойчивый мотив, который не исчезает и во время войн Второй коалиции (1798–1802), даже тогда, когда Великобритания и Россия были союзниками.

Список литературы:

1. Мадариага И. де. Екатерина Великая и ее эпоха. М.: Омега, 2006. 448 с.
2. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
3. Родзинская И. Ю. «Естественные» союзники (русско-английские отношения 60–70-х гг. XVIII в.) // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1972. С. 197–223.
4. Третьяк А. И. Северное Причерноморье в политико-правовом пространстве. Одесса: Optimum, 2004. 175 с.
5. Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталёв Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII в. СПб.: Издательство «Арка», 2016. 288 с.
6. Шекспир У. Генрих IV. Часть 1 / пер. с англ. Е. Бируковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 4. С. 5–117.
7. Шекспир У. Укрощение строптивой / пер. с англ. П. Мелковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 2. С. 181–294.
8. Anderson M. S. British Public Opinion and the Russian Campaign of 1812 // The Slavonic and East European Review. 1956. Vol. 34. No. 83. P. 408–425.
9. Anderson M. S. The Eastern Question, 1774–1923: A Study in International Relations. London: Macmillan, 1966. 436 p.

10. Anonymous. *An English Hobby Horse; or Who Pays the Piper?* London: William Holland, 1791.
11. Anonymous. *Serious Enquiries into the Motives and Consequences of Our Present Armament against Russia.* London, 1791. 48 p.
12. Anonymous. *The Political Warrior Mowing down the Russian Trade.* London: William Holland, 1791.
13. Anonymous. *The Treaty of Peace, or Satisfaction for All Parties.* London: S. W. Fores, 1791.
14. Bate J. Shakespearean Allusion in English Caricature in the Age of Gillray // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 1986. Vol. 49. P. 196–210.
15. Black J. *British Foreign Policy in an Age of Revolutions, 1783–1793.* Cambridge: University Press, 1994. 559 p.
16. Cobbett's *Parliamentary History of England: from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803: in 36 vols.* London: T. C. Hansard, 1806–1820. Vol. 29: 1791–1792.
17. Dent W. *Black Carlo's White Bust, or The Party's Plenipo in Catherine's Closet.* London, 1791.
18. Dent W. *Boys' Play, or The Russian Bear Bait.* London, 1791.
19. Dent W. *The Northern Bugga Bo.* London: James Aitken, 1791.
20. Gillray J. *Design for the New Gallery of Busts and Pictures.* London: Hannah Humphrey, 1792.
21. Gillray J. *The Balance of Power, or the Posterity of the Immortal Chatham, Turn'd Posture Master.* London: Hannah Humphrey, 1791.
22. Gillray J. *Taming of the Shrew: Katharine & Petruchio: The Modern Quixotte, or What You Will.* London: S. W. Fores, 1791.
23. Hill D. *Mr. Gillray, the Caricaturist: A Biography.* London: Phaidon Press, 1965. 224 p.
24. *Jackson's Oxford Journal.* Oxford, 1791. Apr. 9.
25. Łojek J. *British Policy toward Russia, 1790–1791, and Polish Affairs* // *The Polish Review.* 1983. Vol. 28. No. 2. P. 3–17.

26. Monthly Review; or New Literary Journal. London, 1791. Vol. 5 (May–Aug.).
27. Newton R. Summer Amusement at Farmer G's near Windsor. London: William Holland, 1791.
28. Scott H. M. The Birth of a Great Power System, 1740–1815. Harlow, England – N.Y.: Pearson/Longman, 2006. 433 p.
29. The Bath Chronicle. Bath, 1791. Mar. 31.
30. The Later Correspondence of George III: in 5 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. Vol. 1.
31. The New Annual Register, or General Repository of History, Politics, and Literature, for the Year 1791. London, 1791.
32. The Times. London, 1791. Mar. 28; Mar. 31.
33. Woronzoff-Dashkoff A. Simon Vorontsov and the Ochakov Crisis of 1791 // Collegium: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 16. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies, 2014. P. 170–183.